

От имени к глаголу и обратно: наблюдения типолога над акциональной композицией*

С.Г.Татевосов

Уроки, которые те, кто соприкасался с научным творчеством В.С. Храковского, вынесли из общения с ним и чтения его книг и статей, очень разнообразны. Один из самых существенных для автора этой работы — то, насколько важно поддерживать и оберегать хрупкий баланс между размахом типологических обобщений и глубиной частно-языковых наблюдений. В.С. Храковский (2002: 91) пишет: «Грамматика каждого конкретного языка в принципе может предоставлять типологии такие данные, которые либо дополнительно аргументируют существующие научные гипотезы, либо дают основания для отказа от существующих гипотез, либо, наконец, позволяют выдвинуть новые научные гипотезы. С другой стороны, поскольку мы видим только то, что знаем, анализ грамматики каждого конкретного языка, проводимый с опорой на те или другие типологические гипотезы, позволяет увидеть знакомые факты в ином теоретическом свете и соответственно дать им новую, более адекватную интерпретацию».

В этой статье мы обсудим явление, в котором с полной отчетливостью дает о себе знать двунаправленное отношение между грамматиками конкретных языков и лингвистической типологией, о котором говорит В.С. Храковский. Это явление (в чем оно состоит, мы сообщим читателю в следующем разделе) устроено так. Первый взгляд на конкретные грамматики дает неверное типологическое обобщение и направляет типологию по ложному следу. У нас появляется потребность вернуться на частно-языковой уровень и присмотреться к явлению повнимательнее. Внимательный взгляд быстро подводит нас к новому, более адекватному межъязыковому обобщению. И после этого оказывается, что устоявшиеся представления о частно-языковой грамматике нуждаются в основательно пересмотре.

Без В.С. Храковского современная типология не стала бы такой, какой она стала. И если типологи и лингвисты, занимающиеся конкретными языками, сумеют поддерживать взаимообогащающее равновесие, о котором говорит В.С. Храковский, обеим дисциплинам, можно надеяться, суждено плодотворное и успешное будущее.

1. Акциональная композиция: попытка типологии

В этой статье мы обсудим тот тип взаимодействия именных и глагольных семантических характеристик, который в литературе получил название аспектуальной, или акциональной композиции. Как и многие другие сферы грамматической семантики, акциональная композиция подвержена межъязыковому варьированию, которое, при известном упрощении, можно свести к двум возможностям:

- (1) а. «Английский» тип акциональной композиции: свойства актантов глагола воздействуют на предельность глагольного предиката
- б. «Русский» тип акциональной композиции: предельность глагольного предиката воздействует на свойства актантов

Английский тип иллюстрируется в (2):

* Автор выражает искреннюю признательность информантам по татарскому, ненецкому, багвалинскому и осетинскому языкам. Исследование поддержано Российским фондом фундаментальных исследований (проект № 11-06-00489-а). Материалы по татарскому языку собраны и проанализированы в ходе работы над проектом РГНФ № 12-14-16035.

- (2) a. John **ate an apple** in an minute || *for a minute.
Джон съел яблоко за минуту || *минуту.
- b. John **ate the apples** in an minute || *for a minute.
Джон съел яблоки за минуту || *минуту.
- c. John **ate apples** for an hour || *in an hour.
Джон ел яблоки час || *за час.

В английском языке (и в огромном множестве языков, устроенных в этом отношении так же, как английский) существуют глаголы, которые могут возглавлять либо предельную, либо неопределенную глагольную группу в зависимости от того, каким свойствами обладает один из актантов. В (2a) форма Simple Past глагола *eat* ‘есть’ допускает только предельную интерпретацию, а прямым дополнением является неопределенная именная группа с исчисляемым существительным в единственном числе. В предельном (2b) мы видим определенную именную группу (ИГ) во множественном числе. Однако (2c), где позицию прямого дополнения занимает неопределенная множественная ИГ, неопределенно. Другие возможные типы ИГ без остатка распадаются на две группы — такие, которые, как *an apple* и *the apples*, вызывают предельность (их большинство — *the apple*, *two apples*, *most apples* и т.д.), и такие, которые ведут себя аналогично *apples*, — это, в частности, неопределенные ИГ с неисчисляемым существительным в единственном числе, например, *soup*, делающие предикат неопределенным.

В русском языке взаимодействие именных и глагольных характеристик устроено несколько иначе.¹ Рассмотрим (3a-b):

- (3) a. Володя **съел яблоко** {за два часа || *два часа}.
- b. Володя **съел** <ТНЕ || *∅> **яблоки** {за два часа || *два часа}.

В (3a-b) глагол совершенного вида *съел* независимо от того, какие именные группы выступают в качестве прямого дополнения, остается предельным: все предложения с этим глаголом не допускают обстоятельств длительности *два часа*, а только интервальные обстоятельства *за два часа*. Можно, далее, заметить, что интерпретация именной группы, занимающей позицию прямого дополнения, определенным образом ограничена. ИГ *яблоки* в (3b) понимаются таким образом, что в рассмотрение заранее введено определенное количество яблок, и утверждается, что все эти объекты были задействованы в описываемой ситуации. (В (Filip 2005a; 2005b) эта интерпретация, помеченная в (3b) как ‘ТНЕ’, называется **уникальной максимальной интерпретацией**.) Другая из возможных интерпретаций — ‘неопределенная совокупность яблок’ (в (3b) обозначена как ‘∅’) — для прямого дополнения недоступна. Чтобы убедиться в этом, достаточно примеров типа (4), в которых эксплицитное указание на то, что имеются индивиды вне совокупности, задействованной в описываемой ситуации, вызывает логическое противоречие:

- (4) #За обедом Володя **съел яблоки** и немного оставил на вечер.

В отличие от предельных глаголов совершенного вида, глаголы несовершенного вида не накладывают ограничений на интерпретацию прямого дополнения:

¹ В западных семантических работах по славянскому глаголу (Krifka 1992; Piñon 2001; Verkuyl 1999; Paslawska, von Stechow 2003; Filip 1999; 2005a; 2005b) проблема акциональной композиции является одной из центральных. Однако в русской аспектологической традиции это явление остались почти не замеченными, если не считать статьи Е.В. Падучевой (Падучева 2004), где предлагается обзор релевантных явлений и намечается программа исследования, а также (Кароляк 2004; Славкова 2004).

- (5) Когда Надя пришла, Володя ел <THE || Ø> яблоки.

В (5) прямое дополнение допускает по меньшей мере два прочтения: первое ('THE') аналогично тому, которое представлено у глаголов совершенного вида в (3b), а второе ('Ø'), предпочтительное в нулевом контексте, предполагает, что речь идет о неопределенном множестве яблок.

Две интерпретации прямого дополнения в (5) в точности соответствуют двум возможностям, которые в английском языке реализуются морфосинтаксически, с помощью артиклей. В частности, 'определенное заранее заданное количество яблок' выражается неисчисляемым именем с определенным артиклем [the apples], а 'неопределенное количество яблок' — именной группой с нулевым артиклем [Ø apples].

Таким образом, русские перфективные предельные предложения типа (3a-b) — это аналоги английских предложений типа (2a-b). Непредельные английские предложения с неопределенным прямым дополнением, примером которых выступает (2c), русских перфективных аналогов с глаголом *съесть* не имеют.

Когда мы говорим об «английском» и «русском» типе акциональной композиции, это не более, чем условность. Более широкий типологический взгляд на предмет обнаруживает, что эти же типы представлены во множестве генетически и ареально независимых языков. Багвалинский и татарский языки, например, обладают композицией английского типа, а баскский, ненецкий и осетинский — композицией русского типа.

Парадигма из трех татарских примеров в (6a-c) с точностью до лексического наполнения соответствует (2a-c):

- (6) Татарский язык (мишарский диалект)

- a. kerim kitap-nɣ { ike sägat ečendä || * ike sägat bujɣna } ukɣ-dɣ.
 Керим книга-ACC два час внутри два час в.течение читать-PST
*Керим прочитал книгу {за два часа || *два часа}.*
- b. kerim kitap-lar-nɣ { ike sägat ečendä || * ike sägat bujɣna } ukɣ-dɣ.
 Керим книга-ACC два час внутри два час в.течение читать-PST
*Керим прочитал <THE> книги {за два часа || *два часа}.*
- c. kerim kitap-lar-nɣ { * ike sägat ečendä || ike sägat bujɣna } ukɣ-dɣ.
 Керим книга-ACC два час внутри два час в.течение читать-PST
*Керим (но)читал <Ø> книги {*за два часа || два часа}.*

Предельная интерпретация наблюдается при присоединении исчисляемого прямого дополнения в единственном числе в (6a) и во множественном числе в (6b). В последнем случае речь идет об определенном множестве книг, целиком задействованном в ситуации чтения. В (6c) перед нами непредельное предложение, в котором прямое дополнение имеет неопределенную интерпретацию.²

То же самое происходит и в багвалинском языке:

- (7) Багвалинский язык

- a. o-šɯ-ɣ { č'era minuti-ŋi || *c'era minuti-ɣ } kaRal q̄.ä.
 этот-OBL-ERG два минута-INTERESS два минута-ERG письмо писать.PST
*Он написал письмо {за две минуты || *две минуты}.*
- b. o-šɯ-ɣ { č'era minuti-ŋi || *c'era minuti-ɣ } kaRal-di q̄.ä.
 этот-OBL-ERG два минута- INTERESS два минута-ERG письмо-PL писать.PST

² Полный спектр явлений в сфере акциональной композиции в тюркских языках несколько шире, чем иллюстрируется примерами (6a-c). Для обсуждаемого в этой статье сюжета эти подробности несущественны, см. обсуждение в Tatevosov 2004 и Tatevosov 2009.

Он написал <THE> письма {за две минуты || *две минуты}.

- с. o-š'u-r { *č'era minuti-ŋi || c'era minuti-r } kaRaI-di q.ā.
 этот-OBL-ERG два минута-INTERESS два минута-ERG письмо-PL писать.PST
 Он (но)писал <∅> письма { *за две минуты || две минуты }.

Русский тип акциональной композиции представлен в осетинском, ненецком и баскском языках. Примеры из этих языков показаны в (8)-(10). Для экономии места мы опустим аналоги русского предложения (3a) и ограничимся аналогами (3b), которое показывает запрет на неопределенную интерпретацию множественной именной группы. С этой точки зрения (8)-(10) устроены так же, как (3b)

- (8) Осетинский язык (Lyutikova, Tatevosov, to appear a)
 alan {iw minut-mæ || * iw minut-ɪ } ba-xor-d-ta baš.
 А. один минута-ALL один минута-GEN PRF-есть-PST-TR.3SG суп
 Алан съел <THE || *∅> суп {за минуту || *минуту}.
- (9) Ненецкий язык
 pida p'is'mu pada. #n'axar p'is'mo-da xaji
 он письмо.ACC.PL написать.GFS.AOR три письмо-3SG остаться
 Он написал <THE || *∅> письма. Три письма осталось {написать}.
- (10) Баскский язык (Ханина 2006)
 Koldo-k zop-a {bost minutu-ta-n || *bost minutu-z} jan
 Кольдо-ERG суп-NOM.SG пять минута-PL-LOC пять минута-INSTR есть.PFV
 z-∅-u-en.
 3sE-3sA-иметь-PST
 Кольдо съел <THE || *∅> суп {за пять минут || *пять минут}.

Во всех этих примерах, как и в русском (3b), мы наблюдаем две сцепленные семантические характеристики: предложение интерпретируется предельно, а прямое дополнение имеет только уникальную максимальную интерпретацию ('THE'). Непредельная интерпретация предложения ('пять минут') и неопределенная интерпретация дополнения ('∅') не допускаются.

Два типа акциональной композиции можно обнаружить и в пределах одного языка, хотя эта возможность не относится к широко распространенным. Пример такого языка — тубаларский диалект, или диалект туба, алтайского языка (Татевосов 2009). Английский тип акциональной композиции представлен в (11):

- (11) a. was'a eki minut-xa aš-ti t'e-n.
 Вася два минута-DAT суп-ACC есть-PFCT
 Вася съел <THE> суп за две минуты.
- b. was'a eki minut aš-ti t'e-n.
 Вася два минута суп-ACC есть-PFCT
 Вася (но)ел <∅> суп две минуты.

В (11a-b), как и в английских аналогах этих предложений в (2b-c), предельность коррелирует с интерпретацией именных актантов. В предельном предложении (11a), аналогичном (2b), предполагается, что прямое дополнение 'суп' обозначает известное количество супа, которое было полностью съедено. В непредельном (11b), напротив, количество супа остается неопределенным.

В (12) представлен русский тип акциональной композиции:

- (12) was'a {eki minut-xa || *eki minut} aš-ti t'e-se-n.
 Вася два минута-DAT два минута суп-ACC есть-SA-PST

*Вася съел <тне || *Ø> суп {за две минуты || *две минуты}.*

(12) показывает, что уникальная максимальная интерпретация для этих предложений обязательна, а неопределенная невозможна. В этом отношении (12) является точным аналогом русского предложения (3b), а также осетинского (8), ненецкого (9) и баскского (10).

Морфосинтаксически предложение (12) отличаются от (11) наличием показателя *-sa-*. Диахронически они представляют собой бивербальную конструкцию, или сложный предикат с вспомогательным глаголом *sal* 'класть'. Синхронный морфологический статус этого показателя мы обсудим ниже, в разделе 4.

Сумма обобщений, которые мы получили к этому моменту, очень проста. Предельность глагольной группы вида [_{VP} eat NP] в английском языке и в языках, устроенных как английский, определяется ее неглагольным компонентом — прямым дополнением. В русском языке не прямое дополнение определяет предельность глагольной группы, а глагол совершенного вида создает такую глагольную группу, которая в обязательном порядке предельна и в составе которой возможно только прямое дополнение с уникальной максимальной интерпретацией.

Соответственно, для русского и английского языков выстраивается общая закономерность: **предложение является предельным, если и только если прямое дополнение обладает уникальной максимальной интерпретацией**. Различие связано с морфосинтаксической реализацией этой закономерности: в случае акциональной композиции английского типа за предельность предложения отвечает прямое дополнение (с одним и тем же глаголом *the apples* вызывает предельность, а *apples* — непредельность), а в русском и в аналогичных языках — глагол (если в предложении представлен глагол типа *съесть*, то оно может быть только предельным, а прямое дополнение соответственно допускает только уникальную максимальную интерпретацию). Иными словами, в английском языке информация о свойствах участника ситуации, заключенная в прямом дополнении, влияет на информацию о ситуации, описываемой глаголом. В русском языке более информационно насыщенный глагол совершенного вида воздействует на актанта.

Приблизительно такой анализ, если не брать в расчет технические различия, предлагается в Krifka 1992, Verkuyl 1999, Filip 1999 и ряде других работ. Что из этого следует для лингвистической типологии? Из этого следует, что тип акциональной композиции — параметр межъязыкового варьирования, принимающий по меньшей мере два значения: «предельность глагола → интерпретация актанта» и «интерпретация актанта → предельность глагола». Установив это, типолог может далее изучать, как значения этого параметра коррелируют с другими типологическими характеристиками языка, его видовременной системой, структурой и интерпретацией именной группы и т. д. Он может обнаруживать интересные соответствия между грамматическими характеристиками языков с разными типами композиции и предлагать объяснение этим соответствиям. Примеры типа (2)-(12) дают надежное основание для типологического противопоставления актантно-ориентированных языков типа английского и глагольно-ориентированных языков типа русского.

2. Композиция на периферии грамматики

Или, может быть, не такое уж и надежное? В этом месте мы вступаем в сумрачное пространство явлений, которые для исследователя не очень удобны. В последнее время у нас утвердилось мнение, что маршрут лингвистического исследования непременно проходит от ядра к периферии. Мы сначала должны понять важные, частотные, «ядерные» явления, и лишь затем, возможно, обратить внимание на то, что «периферийно» и «маргинально». Мы входим в систему языка через парадный вход и направляемся прямо в гостиную, не особенно интересуясь, что происходит на заднем дворе — и так понятно, что

там беспорядок и неустроенность, которые отвлекают нас от созерцания прекрасной архитектуры здания и богатства его отделки.

Осмотрев парадную сторону акциональной композиции, мы, однако, отправимся именно туда — на ее задворки, где располагаются явления, которые портят впечатление от изящной картины, намеченной в предыдущем разделе. Эти явления, никак, на первый взгляд, не связанные друг с другом, подводят нас к первому наблюдению: во всех языках с композицией русского типа существуют грамматические конфигурации, где этот тип неожиданно исчезает и уступает место композиции английского типа.

В русском языке следует обратить внимание на отглагольные существительные типа *написание*, образованные от так называемых перфективных основ³. Рассмотрим (13):

- (13) Не прошло и получаса после написания писем для Марка, как зазвонил телефон.
[<http://www.e-reading.org>]

Интуиция носителей русского языка по поводу конструкции *написание писем* совершенно отчетлива: в (13) предпочтительной интерпретацией ИГ *писем*, как и в финитной предикации в (3b), является уникальная максимальная, а выражения *написание писем* в целом — предельная. Это, однако, не единственная возможность, чем конструкция с отглагольным существительным и отличается от финитной предикации в (3b).

Как показывает (4), эксплицитное указание на то, что существуют яблоки вне совокупности, задействованной в ситуации ‘съесть яблоки’, вызывает противоречие. Применив этот же тест к отглагольным именам типа *написание*, мы обнаруживаем, что аналогичного противоречия не возникает:

- (14) Написание писем продолжалось четыре часа, но закончить мы не успели — на завтра осталось еще с полсотни.

Более того, интуиция подсказывает, что в (14) ИГ *писем* обозначает вовсе не максимальную индивидуированную совокупность (‘ТНЕ’), а лишь неопределенное множество с неспецифицированным количеством (‘Ø’). Кроме того, выражение *написание писем* в этом случае неопредельно⁴. Аналогичная интерпретация наблюдается в корпусе примеров в (15):

- (15) Написание комментариев продолжалось на протяжении всех этих веков. В каждом поколении мусульман был создан свой комментарий... [<http://quran.al-shia.org/ru>]

³ Здесь мы предлагаем сокращенное изложение наблюдений и обобщений из Tatevosov 2008 и Tatevosov 2011a.

⁴ Наиболее распространенная диагностика предельности, которая используется для предикаций, — обстоятельства типа *за два часа* и *два часа* — для отглагольных имен применима только наполовину. Обстоятельства типа *за два часа* в составе номинализаций маргинальны, но грамматичны, особенно в комбинации со шкальным показателем *всего* — ср. *наполнил ванну за пять минут* и *наполнение ванны (всего) за пять минут*. Однако независимо от предельности отглагольные имена не сочетаются с обстоятельствами типа *два часа*, ср. *шел два часа* и **пение два часа*. (Они возможны лишь в комбинации с прилагательными типа *двухчасовой*, см. Пазельская 2006.) На помощь в этом случае может прийти другой тест на неопредельность, предложенный в Verkuyl 1972, — критерий сочинения. Он состоит в том, что неопредельные предикаты в контексте сочиненных обстоятельств времени могут обозначать единую ситуацию, осуществляющуюся без временных разрывов. Предложение *John ran at 2 p.m. and at 3 p.m.* ‘Джон бежал/бегал в два часа и в три часа’ будет истинно, если Джон бегал, не прерываясь, в промежутке с двух до трех. (Для предельных предикатов с сочиненным обстоятельством времени такая интерпретация невозможна — они с необходимостью обозначают ровно две различные ситуации, ср. *John ran a mile at 2 p.m. and at 3 p.m.* ‘Джон пробежал милю в два часа и в три часа’). В контекстах типа (14) *написание писем в два часа и в три часа* проходит тест на неопредельность: это предложение допускает интерпретацию, при которой в обоих временных точках — в два часа и в три часа — имеет место одна и та же ситуация.

Вывод: в русских конструкциях с отглагольными именами отсутствует русский тип акциональной композиции. Она устроена точно так же, как в английских примерах типа (2): неопределенная интерпретация предиката в (14) и (15) возникает бок о бок с неопределенной интерпретацией актанта, как в (2с), а предельной интерпретации в (13) сопутствует уникальная максимальная интерпретацией, как в (2b). Схожая, хотя и несколько более сложная акциональная композиция наблюдается у номинализаций в осетинском языке, см. Lyutikova, Tatevosov, to appear a.

Мы обратимся к вопросу о том, почему это так, в следующем разделе, а пока рассмотрим совершенно другое явление из другого языка. (16) показывает каузатив от переходного глагола ‘писать’ в ненецком языке:

- (16) a. man^j s'id^{ja} čas-xana pet^{ja}-n^ŋ p'is^{mu} pada-pte-ja-n.
я два час-LOC Петя-DAT письмо.ACC.PL писать-CAUS-SFS-1SG
Я заставил Петю написать <ТНЕ> письма за два часа. <#А вечером попрошу его продолжить.>
- b. man^j s'id^{ja} čas pet^{ja}-n^ŋ p'is^{mu} pada-pte-ja-n.
я два час Петя-DAT письмо.ACC.PL писать-CAUS-SFS-1SG
Я заставил Петю (по)писать <∅> письма два часа. <^{OK}А вечером попрошу его продолжить>

В (16) мы имеем тот же глагол ‘писать’, что и в (9), где наблюдаются эффекты композиции русского типа. Роль каузатива — добавление подсобытия каузации и агентивного участника этого события (‘я’). Эта операция, однако, имеет последствия для каузируемой ситуации — той, в которой Петя пишет письма. В (16a) эта ситуация достигает предела, как видно из сочетаемости с обстоятельством ‘за два часа’, и определенная уникальная совокупность писем (‘ТНЕ’) в результате начинает существовать. В (16b), однако, создание писем подается как неопределенный процесс, который продолжался два часа, а прямое дополнение имеет неопределенную интерпретацию (‘∅’).

Каузируемая ситуация в (16a-b) обозначается тем же языковым материалом, что и в ситуации написания писем в (9) — тем же глаголом ‘писать’ и теми же актантами. Но если для (9) обязательна предельность и уникальная максимальная интерпретация, то есть композиция русского типа, то (16a-b) следуют английскому образцу: предельность в контексте ИГ с уникальной максимальной интерпретацией и неопределенность в контексте неопределенной ИГ.

Более того, каузируемая ситуация в составе ненецкого каузатива в (16) отличается от своего некаузативного аналога в (9) в точности так же, как русские отглагольные существительные в (13)-(14) отличаются от финитного глагола в (2b). Все эти наблюдения суммированы в таблице 1.

Таблица 1. Распределение типов композиции по грамматическим конструкциям

	Предельный предикат; «ТНЕ ИГ»	Непредельный предикат; «∅ ИГ»	Тип композиции
Финитное предложение в русском и ненецком языке	+	—	русский
Конструкция с отглагольным именем в русском языке	+	+	английский
Каузативная конструкция в ненецком языке	+	+	английский

Аналогичная картина наблюдается в каузативах в баскском языке (Ханина 2006) и в тубаларском диалекте алтайского языка (Tatevosov, Ivanov 2009).

Что стоит за изменением типа акциональной композиции, когда от предложений типа (2)-(12) мы переходим к конструкциям с отглагольными именами и каузативным

конструкциям и насколько серьезно следует к этому относиться? Самый очевидный ответ состоит в том, что истинную картину акциональной композиции дают нам «ядерные» конструкции — русские предложения с глаголом, а не отглагольным именем, и ненецкие предложения, не отягченные каузативизацией. В этом случае данные из таблицы 1 следует признать отклонениями от нормы, которые как будто иногда случаются среди «маргинальных» грамматических явлений. Почему у числительного *сорок* в русском языке различается всего две падежные формы? Нипочему — такова случайная прихоть эволюции русской падежной системы. Точно такая же ни о чем не говорящая флуктуация — акциональная композиция у русских и ненецких отглагольных дериватов.

На первый взгляд, в таком подходе есть своя правда. Разве неверно, что глагол в составе предложения заведомо расскажет о себе больше и лучше, чем его разнообразные дериваты, будь то номинализация, как в русском, или каузатив, как в ненецком языке? Что происходит с русскими отглагольными существительными и ненецкими каузативами при таком взгляде на вещи не слишком нуждается в объяснении. В крайнем случае по поводу номинализации мы запишем, что в процессе утраты конструкцией глагольных свойств и приобретения именных русская акциональная композиция где-то затерялась. А о ненецком каузативе скажем, что дательный падеж каузируемого (см. (16a-b)) предполагает понижение агентивных характеристик актанта и, следовательно, большую акциональную свободу.

Приняв этот порядок мироздания, мы, однако, кое-что теряем. Мы перестаем интересоваться двумя самыми увлекательными вопросами, которые весь этот материал побуждает нас задать.

- (17) a. Первый вопрос: как получается, что уходя от русской акциональной композиции, отглагольные имена и каузативы приходят именно к английской композиции, а не к какой-то другой модели взаимодействия глагола и его актантов?
b. Второй вопрос: случайно ли то, что столь разные дериваты, как каузатив и отглагольное существительное, отличаются от исходной точки деривации — производного глагола — одинаково?

Эти вопросы представляются нам слишком важными, чтобы попросту от них отмахнуться. В следующем разделе мы попытаемся обосновать такой взгляд на происходящее, при котором явления, обсуждавшиеся в этом разделе, из разряда периферийных переходят в разряд ключевых. Если отправной пункт наших рассуждений состоит в том, что к композиции у отглагольных дериватов следует относиться серьезно, мы быстро приходим к пониманию того, что в действительности дериваты дают нам больше информации о глаголе, чем сам глагол. И в конце пути выясняется, что акциональной композиции русского типа в действительности не существует. Типология, которую мы обрисовали в разделе 1, неверна: русский, ненецкий и аналогичные языки — это языки с акциональной композицией английского типа, которая, правда, показывается на свет только в ограниченном числе конфигураций, таких как номинализация и каузативная конструкция.

3. Структурная неполнота как окно в глагольную группу

Первый шаг рассуждений начинается со второго вопроса в (17b): есть ли что-то общее у конструкций с отглагольным существительным и каузативов, что-то такое, что заставляет их отличаться от финитных предикаций одинаково? На этот вопрос мы даем утвердительный ответ:

фреквентативные наречия ('часто') и т.п. Наличие в структуре номинализации внешнего агентивного актанта (возможно, поверхностно не выраженного) можно установить с помощью агентивно-ориентированных обстоятельств типа 'нарочно', 'намеренно' и способности контролировать нулевой анафорический элемент целевых оборотов ('чтобы...', 'с целью...'). В то же время невозможность для внешнего аргумента иметь такое же морфосинтаксическое оформление, как у подлежащего финитного предложения, невозможность обстоятельств высокого уровня, например, модальных или эпистемических ('возможно', 'наверное') указывает, что объем структуры номинализации оказывается существенно меньшим, чем у полной предикации. В Pazelstaya, Tatevosov 2006, Пазельская 2006, Пазельская, Tatevosov 2008 и ряде других работ подробно обсуждаются эти диагностические характеристики и обосновывается, что (20) как анализ конструкций вида *написание писем* имеет достаточные эмпирические основания. Русские номинализации действительно имеют событийную референцию, проявляют надлежащие актантные свойства, сочетаются с наречиями низкого, но не высокого уровня, контролируют целевые адъюнкты и т.д.

Таким образом, номинализации и полные предикации имеют общую часть структуры — глагольную группу и ограниченное количество расположенных над ней функциональных проекций. До некоторой точки (в (20b) это проекция вершины F_k) деривация полных предикаций и номинализаций происходит одинаково. По достижении этой точки создание предикации прекращается, возникшая к этому моменту составляющая соединяется с именной структурой и продолжает жизнь уже в качестве именной группы. Именно такой сценарий показан в (20b).

Построение каузатива также предполагает резкую перемену в жизни глагольной группы. Если предположить, следуя, среди многих других (Pylkkanen 2002, Harley 2008, Miyagawa 2011, Lyutikova, Tatevosov, to appear b, Tatevosov, в печати), что каузативизация — это операция не над глаголом, а над целой составляющей, то анализ каузатива от переходного глагола в ненецком языке выглядит так, как показано в (21):

- (21) a. man^j $s'id^ja$ $\check{c}as-xana$ $pet^ja-n\check{?}$ $p'is^jmu$ $pada-pte-ja-n$.
я два час-LOC Петя-DAT письмо.ACC.PL писать-CAUS-SFS-1SG
Я заставил Петю написать письма за два часа.
- b. [... $[_{VP} man^j [_{V'} - pte -$ $[_{VP} pet^ja- [_{V'} p'is^j m-$ $pada-]]]]]$

Глагольная группа $pet^ja p'is^j m- pada-$ 'Петя писа- письм-' способна произвести на свет собственную предикацию 'Петя написал письма'. Именно ее мы видим в (9). Однако в (21a) деривация этой предикации прерывается в тот момент, когда глагольная группа соединяется с каузативным показателем, который в (21b) анализируется как глагольная вершина, создающая оболочку поверх исходной VP. С этого момента в дальнейшей деривации участвует совершенно новая структура — каузативная глагольная группа $man^j pet^ja- p'is^j m- pada-pte$. Та предикация, которая была бы построена с опорой на исходную глагольную группу, так никогда и не создается, и именно это придает последней неполноту в оговоренном выше смысле.

На этом первый шаг рассуждения завершается: мы убедились, что составляющая, обозначающая каузируемую ситуацию в ненецком языке, и конструкция с отглагольным существительным в русском языке имеют важное общее свойство. Обе они отличаются структурной ущербностью, поскольку обе содержат глагольную группу, которая так и не развертывается до полноценной самостоятельной предикации.

Сделаем следующий шаг. Он предельно прост:

- (22) Если в неполной предикации p отсутствует свойство α , которое есть у соответствующей полной предикации p' , то это происходит потому, что α

Как объяснить надзорно-контролирующую функцию «фактора α »? Наблюдения над примерами типа (3b) и (5), повторяемыми как (26)-(27), дают ключ к пониманию семантического содержания α . Ограничения на интерпретацию актанта есть только у перфективных предложений, таких, как (26). Имперфективные предложения, в частности, (27) такого ограничения не содержат. Из этого следует, что «фактор α » — это перфективность.

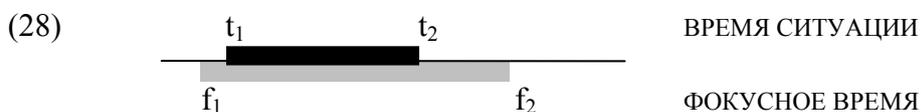
(26) Володя **съел** <ТНЕ || * \emptyset > **яблоки**.

(27) Когда Надя пришла, Володя **ел** <ТНЕ || \emptyset > **яблоки**.

Именно перфективность, совершенный вид, придает русской акциональной композиции ее характерный облик. Именно она, повстречавшись в ходе деривации предикации с неопредельным предикатом, возникшим на уровне глагольной группы, отстраняет его от работы. Если это так, у нас есть более или менее целостная картина того, какие эволюции (не)определьность в русском и аналогичном языках претерпевает в процессе синтаксической деривации. Неопредельность возможна только до появления в структуре перфективного аспектуального оператора, и именно поэтому она наблюдаема только в неполных конфигурациях, которые не успели додеривироваться до той стадии, где происходит его присоединение.

Пусть это так. Для окончательной ясности нам не хватает самой малости: что в точности есть в русской перфективности такого, что делает ее несовместимой с неопредельными предикатами? Английские, татарские и багвалинские примеры в (2) и (6)-(7) тоже перфективны, однако перфективность не мешает предложениям (2c), (6c) и (7c) быть неопредельными. Следовательно, русская перфективность устроена не совсем так, как английская. Мы подходим к пониманию того, что настоящий параметр межъязыкового варьирования, разводящий английский, татарский и багвалинский языки, с одной стороны, и русский, ненецкий, баскский и осетинский, с другой — это семантический тип перфективности.

Как известно благодаря работам В. Кляйна (Klein 1994 и многие другие), грамматический вид — это семантическое отношение между временным интервалом, который занимает в актуальном мире описываемая ситуация, и фокусным временным интервалом, или, как его иногда называют, «окном наблюдения». Перфектив — это когда мы видим через окно всю ситуацию, с включением ее исходной и конечной точек. На языке интервальной семантики в таких случаях говорят, что фокусный временной интервал полностью включает в себя время ситуации, как показано в (28).

Такая семантика перфектива безразлична к предельности. И предельный и неопредельный предикаты должны чувствовать себя в соединении с таким перфективом одинаково комфортно. Так и происходит в (2) и (6)-(7): перед нами перфективность английского типа.

Чем отличается перфективность русского типа? В Tatevosov 2011 предлагается модальный анализ русского перфектива, который дает ответ на этот вопрос. Не вдаваясь в технические подробности, изложим кратко основную идею. Перфектив русского типа состоит из двух компонентов. Один из них, «кляйновская перфективность» в (28), идентичен тому, который представлен в языках типа английского (это объясняет многочисленные сходства в дистрибуции «русского» и «английского» перфективов). За русскую специфику отвечает второй компонент. Мы предполагаем, что его семантическое

содержание состоит в следующем: этот компонент требует, чтобы описываемая ситуация, обладающая дескриптивными свойствами, которые задаются глагольной группой, имела максимально возможную реализацию в актуальном мире. Если, например, глагольная группа обозначает ситуации, в которых Вася поедает яблоко, перфектив предписывает ей осуществиться в актуальной мире в максимально возможной степени, то есть достигнуть кульминации, того момента, где яблоко полностью съедено.

Это делает русский перфектив чувствительным к предельности предиката. Только предельные предикаты имеют кульминацию и, следовательно, только для них осмысленно говорить о максимальной реализации описываемой ситуации. Если описываемая ситуация — это ‘Вася поедает [∅ яблоки]’ и она реализована в актуальном мире в определенной степени, мы всегда можем помыслить возможный мир, в котором поедание яблок продолжается несколько дольше, чем в актуальном. Именно в этом месте возникает семантический конфликт: непредельные предикаты отказываются удовлетворить требование перфектива о максимальной реализации. Именно из-за этого перфектив отсекает непредельные предикаты от участия в дальнейшей семантической деривации.

Запрет, который мы предварительно сформулировали как (25b), теперь можно прочертить более отчетливо:

- (29) * [... PFV_{MAX} ... [VP непредельная глагольная группа]],
где PFV_{MAX} — это перфектив славянского типа, снабженный, помимо кляйновской интервальной семантики, требованием максимальной реализации.

Это обобщение придает завершенность нашему анализу типологии акциональной композиции⁶. Мы определили, как устроена акциональная композиция на уровне глагольной группы: всегда по английскому типу. Мы выяснили, как работает акциональная композиция русского типа: непредельная глагольная группа типа ‘ед- [∅ яблоки|| суп]’, генерируясь на уровне VP, отфильтровывается на более позднем этапе деривации предикации. Мы добились понимания того, что представляет собой фильтр: это компонент семантики перфективного оператора PFV_{MAX}, который требует максимальной реализации ситуации в нашем мире.

Наш анализ имеет важное (хотя и тривиальное) частно-языковое следствие. В языках с перфективностью русского типа (б. языках с акциональной композицией русского типа) видовой оператор не является компонентом глагольной группы и, тем самым, глагольной основы. С наибольшей отчетливостью мы видим это в тубаларском

⁶ Единственный элемент русской глагольной системы, который мы до сих пор не учли — это делимитативы (*посидеть*, *почитать*), которые заполняют пустоту в пространстве возможностей, а именно, создают перфективные непредельные предложения. Делимитативы не обнаруживают эффектов композиции русского типа, ср. (i)

(i) После завтрака Володя полчаса почитал {^{OK}∅} статьи, ^{OK}(а на вечер остался еще десяток).

Это означает, что делимитативная перфективность формируется не с помощью PFV_{MAX} (что не удивительно, если учесть непредельность делимитативов, на которую указывают обстоятельства типа *полчаса*). Ее формирует кляйновский перфективный оператор в чистом виде, не отягченный требованием максимальной реализации. Таким образом, полная картина русской перфективности складывается из двух частей: предельные предикаты обрабатываются оператором PFV_{MAX}, непредельные, несовместимые с PFV_{MAX}, поступают в распоряжение делимитатива. При этом, естественно, мы обязаны соблюсти селективные ограничения делимитативного префикса, который соединяется или с простыми непредельными глагольными основами типа *писа-* (ср. *Володя пописал письма*), или с основами, содержащими показатель *-ыва-*, известный как вторичный имперфектив (например, *открыва-*, ср. *Володя пооткрывал дверь пять минут и бросил*). С префигурованными основами типа *написа-* или *прочита-* делимитатив не соединяется, и именно это объясняет, почему невозможны непредельные перфективные предложения типа (ii)

(ii) *Володя попрочитал <∅> статьи.

начинаем понимать, что с точки зрения интересующих нас явлений неполные предикации, несмотря на кажущуюся маргинальность, — это гораздо более выгодный материал, чем полные. И те и другие имеют некоторую общую часть синтаксической и семантической структуры. Кроме нее, однако, полные предикации имеют дополнительную структуру, и именно там локализован PFV_{MAX} или любой другой оператор, который отвечает за перфективность и делает полные и неполные предикации непохожими друг на друга. Соответственно, именно неполные предикации дают нам более точную картину того, как устроены глагол и глагольная группа — свойства последних закрыты для обозрения меньшим количеством семантических и синтаксических наслоений. И если логика изложенных выше рассуждений верна, то это означает, что вековая традиция изучения вопроса двигалась по неверному пути. Славянский вид не является лексическим; как и в тысячах других языков, видовые операторы возникают в структуре лишь в процессе деривации предикации. Единственная особенность видовой системы этого типа — особенная семантика перфектива, оснащенного требованием максимальной реализации ситуации в актуальном мире.

5. Заключение

Завершая эту работу, сведем воедино наши аргументы и обозначим итог.

Исходное наблюдение: в языках засвидетельствовано два типа акциональной композиции, «английский» и «русский». Однако даже в русском и аналогичных языках регулярно обнаруживаются конструкции, в которых русский тип композиции сменяется английским. У этих конструкций есть единственное общее свойство — они представляют собой неполные предикации. Неполные и полные предикации имеют общую структурную часть, создаваемую на ранних стадиях деривации. Различия между ними возникают за счет той структуры, которая придает предикации полноту; деривация неполных предикаций прекращается до присоединения этой структуры. Следовательно, если неполные и полные предикации проявляют систематические различия, последние возникают на поздних стадиях деривации. Это означает, что на поздних стадиях деривации возникают и композиционные эффекты русского. На ранних стадиях, в частности, на уровне глагольной группы композиция всегда, во всех языках устроена по английскому типу.

Сравнение перфективных и имперфективных предикатов подсказывает, что фактор, ответственный за композицию русского типа, можно отождествить с перфективностью. Соответственно, типология акциональной композиции сводится к типологии перфективности. Перфективность русского типа, в отличие от английского, требует максимальной реализации ситуации из экстенционала предиката в актуальном мире. Это наделяет ее фильтрующей функцией: благодаря перфективности, диапазон интерпретаций, сгенерированный на уровне глагольной группы, сужается; от деривации отсекается неопредельная интерпретация.

Полные и неполные предикации имеют общую глагольную группу. Перфективность не может быть частью структуры, общей для полных и неполных предикаций. Из этих двух посылок следует неотвратимый вывод: перфективность в языках типа русского возникает за пределами глагольной группы, а значит не может быть лексической.

Таким образом, в сухом остатке настоящего исследования остаются два вывода. Первый — межъязыковой: типология акциональной композиции полностью сводима к семантической типологии перфективности. Второй — частно-языковой: вид в языках типа русского не приходит вместе с глаголом из словаря, а возникает в процессе синтаксической деривации.

Литература

- Кароляк С. (2004) О зависимости между видом глагола и определенностью имени // *40 лет Санкт-Петербургской типологической школе*. М.: Знак, 2004.
- Падучева Е.В. (2004). «Накопитель эффекта» и славянская аспектология. *Вопросы языкознания* № 5.
- Пазельская А.Г. и С.Г. Татевосов (2008). Отглагольное имя и структура русского глагола // Плуныян В.А., Татевосов С.Г. (ред.) *Исследования по глагольной деривации*. М., 2008. С. 348-380.
- Славкова С. Б. (2004). *Синтагматическое взаимодействие грамматических категорий аспектуальности глагола и определенности имени в русском, болгарском и итальянском языках*. М.: Изд-во МГУЛ, 2004.
- Татевосов С.Г. (2008). Номинализация и проблема непрямого доступа // *Динамические модели. Слово. Предложение. Текст. Сборник статей в честь Е.В. Падучевой*. М., 2008. С. 750-773
- Татевосов С.Г. (2009). Аспектуальная композиция. // Татевосов С.Г. (ред.) *Тубаларские этюды*. М., 2009. С. 78-133.
- Татевосов С.Г. (в печати). *Акциональность в лексике и грамматике*. М.: Языки славянской культуры.
- Ханина Е.В. (2006). *Структура события и баскский глагол*. Дипломная работа. Кафедра теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ.
- Храковский В.С. (2002). Русский язык в зеркале типологии: новации императивной парадигмы. *Русский язык в научном освещении*. №2(4), С. 91-101
- Dowty D.R. (1979). *Word Meaning and Montague Grammar: The Semantics of Verbs and Times in Generative Semantics and in Montague's PTQ*. Dordrecht: Reidel.
- Dowty D.R. (1991). Thematic Proto-roles and Argument Selection. *Language* 67.
- Filip H. (1999). *Aspect, Eventuality Types and Noun Phrase Semantics*. New York, London: Garland Publishing.
- Filip H. (2005b). On Accumulating and Having It All // Verkuyl H., de Swart H., van Hout A. (eds.) *Perspectives on Aspect*. Dordrecht: Springer.
- Filip, H. (2000). "The Quantization Puzzle." In *Events as grammatical objects, from the combined perspectives of lexical semantics, logical semantics and syntax*, J.Pustejovsky and C.Tenny (eds.), 3-60. Stanford, California: CSLI.
- Filip, H. (2004). "On accumulating and having it all". In *Perspectives on Aspect*, A. van Hout, H. de Swart, and H.Verkuyl (eds.). Utrecht: UiL/OTS; Available at <http://www>.
- Filip, H. (2005a). "The Telicity Parameter Revisited". In *Semantics and Linguistic Theory (SALT) XIV*. Ithaca: CLC Publications, Department of Linguistics, Cornell University.
- Harley, H. 2008. On the causative construction. Miyagawa, Shigeru, and Mamoru Saito (eds.). *Oxford handbook of Japanese linguistics*, 20–53. Oxford: Oxford University Press.
- Hay J., Kennedy C., Levin B. (1999). Scalar Structure Underlies Telicity in "Degree Achievements" // Matthews T., Strolovitch D. (eds.) *Proceedings of SALT IX*. Ithaca: CLC Publications.
- Kennedy C., Levin B. (2002). Telicity Corresponds to Degree of Change. Unpublished ms., Northwestern University and Stanford University.
- Kennedy C., Levin B. (2008). Measure of Change: The Adjectival Core of Degree Achievements // McNally L., Kennedy C. (eds.) *Adjectives and Adverbs: Syntax, Semantics and Discourse*. Oxford: Oxford University Press.
- Kennedy, Ch. (2010). The composition of incremental change. Ms. University of Chicago
- Klein W. (1994). *Time in Language*. London, New York: Routledge.
- Krifka M. (1989). Nominal Reference, Temporal Constitution and Quantification in Event Semantics // Bartsch R., van Benthem J., van Emde Boas P. (eds.) *Semantics and Contextual Expression*. Dordrecht: Foris.
- Krifka M. (1992). Thematic Relations as Links between Nominal Reference and Temporal Construction // Sag I.A., Szabolsci A. (eds.) *Lexical Matters*. Stanford: Center for the Study of Language and Information Publications.
- Krifka M. (1998). The Origins of Telicity // Rothstein S. (ed.) *Events and Grammar*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- Landman F. (2004). *Indefinites and the Types of Sets*. Oxford: Blackwell.
- Lyutikova, E. and S. Tatevosov (to appear a). Nominalization and the problem of indirect access: evidence from Ossetian. To appear in *Linguistic Review*.
- Lyutikova, E. and S. Tatevosov (to appear b). Causativization and event structure. To appear in *Forces in Grammatical Structure*. Oxford: Oxford University Press.

- Paslawska A., von Stechow A. (2004). Perfect Readings in Russian // Rathert M., Alexiadou A., von Stechow A. (eds.) *Perfect Explorations*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Pazelskaya A. and S. Tatevosov (2006). Uninflected VPs, deverbal nouns and aspectual architecture of Russian. In Lavine J., Franks S., Tasseva-Kurktchieva M., Filip H. (eds.). *Formal approaches to Slavic Linguistics. The Princeton Meeting 2005*. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 258-277.
- Piñón C. (2008). Aspectual Composition with Degrees // McNally L., Kennedy C. (eds.) *Adjectives and Adverbs: Syntax, Semantics and Discourse*. Oxford: Oxford University Press.
- Piñón Ch. (2001). A Problem of Aspectual Composition in Polish // Zybatow G., Junghanns U., Mehlhorn G., and Szucsich L. (eds.) *Current Issues in Formal Slavic Linguistics*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Pylkkänen L. (2002). *Introducing Arguments*. PhD dissertation. MIT.
- Rothstein S. (2004). *Structuring Events: A Study in the Semantics of Lexical Aspect*. Malden: Blackwell publishing.
- Tatevosov S. (2011). On the Modal Meaning of Slavic Perfective. Paper presented at FASL 20. MIT, May 13-15, 2011.
- Tatevosov S. (2011). Severing Perfectivity from the Verb. *Scando-Slavica* 57-2: 216-244
- Tatevosov S., Ivanov M. (2009). Causativization and Aspectual Composition // Shibagaki R., Vermeulen R. (eds.) *Proceedings of the 5th Workshop on Altaic formal Linguistics*. MIT working Papers in Linguistics 58. Cambridge, MA: MIT.
- Tatevosov, S. and M. Ivanov. (2009.) Causativization and aspectual composition. In Shi R., Vermeulen R. (eds.) *MIT Working Papers in Linguistics*. Vol. 58. Cambridge: MITWPL, 380-394
- Tenny C. (1994). *Aspectual Roles and the Syntax-Semantics Interface*. Dordrecht: Kluwer.
- Verkuyl H.J. (1972). *On the Compositional Nature of the Aspects*. (Foundations of Language Supplementary Series, 15). Dordrecht: Reidel.
- Verkuyl H.J. (1989). Aspectual Classes and Aspectual Composition. *Linguistics and Philosophy* 12.
- Verkuyl H.J. (1993). *A Theory of Aspectuality. The Interaction between Temporal and Atemporal Structure*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Verkuyl H.J. (1999). *Aspectual Issues. Studies in Time and Quantity*. Stanford: CSLI Publications.

Приложение: Мереологическая теория акциональной композиции

Теории аспектуальной / акциональной композиции занимаются объяснением того, как информация, заключенная в аргументах предиката, воздействует на его предельность. Наиболее известны мереологическая теория М. Крифки (Krifka 1989; 1992; 1998), теория PLUG⁺ Х. Веркейла (Verkuyl 1972; 1989, 1993; 1999), теория контекстной атомарности С. Ротстин (Rothstein 2004; 2008), а также набирающая в последнее время популярность степенная теория (Hay et al. 1999; Kennedy, Levin 2002; 2008; Piñón 2008; Tatevosov 2009).

Большинство теорий ориентировано на объяснение акциональной композиции английского типа, примеры которой повторяются в (36а-с):

- (36) a. John **ate an apple** in an minute || *for a minute.
Он **съел яблоко** за минуту || *минуту.
- b. John **ate the apples** in an minute || *for a minute.
Он **съел яблоки** за минуту || *минуту.
- c. John **ate apples** for an hour || *in an hour.
Он **ел яблоки час** || *за час.

Далее мы неформально изложим основные идеи мереологической теории (Krifka 1989; 1992; 1998). За техническими подробностями читателю рекомендуется обратиться к первоисточнику. Прежде всего, введем два вспомогательных понятия, характеризующих предикаты естественного языка, как именные, так и глагольные, — **кумулятивность** и **квантованность**.

В общем виде понятие **кумулятивности** сформулировано в (37). Оно характеризует предикаты с точки зрения того, как отдельные индивиды, которые входят в их экстенционал, соотносятся с суммами, составленными из этих индивидов:

- (37) Предикат является кумулятивным тогда и только тогда, когда он обладает свойством аддитивности: всякий раз, когда сущности x и y входят в его экстенционал, их сумма $x \oplus y$ также входит в его экстенционал. Понятие кумулятивности осмысленно применимо к тем предикатам, в экстенционал которых входит более двух различных сущностей.

Предикат, обозначаемый существительным *вода*, например, кумулятивен: сумма двух порций воды является водой. Аналогично, существительное во множественном числе *яблоки* обозначает кумулятивный предикат: если соединить две совокупности, каждую из которых можно описать как *яблоки*, получившуюся совокупность можно будет описать так же. Напротив, предикаты типа *яблоко* или *пять яблок* (в той степени, в которой *пять яблок* можно анализировать как предикат (см., например, Landman 2004)), не являются кумулятивными. Если взять объект, обозначаемый выражением *пять яблок*, и еще один такой же объект, то их сумму нельзя будет описать как *пять яблок*; подходящий для этого предикат — *десять яблок*.

Второе понятие — **квантованность** — характеризует предикаты с точки зрения того, как обозначаемые ими объекты соотносятся со своими собственными частями. Определение квантованности представлено в (38):

- (38) Предикат является квантованным тогда и только тогда, когда он обладает свойством неподразделимости: всякий раз, когда сущности x и y входят в его экстенционал, y не является собственной частью x .

Например, предикат, обозначаемый существительным *яблоко*, квантован, поскольку никакая часть объекта, который называется словом *яблоко*, не входит в означаемое *яблоко*. Предикат *вода*, напротив, не является квантованным: порция воды, отделенная от большей порции воды, не перестает быть водой⁷.

Несколько примеров квантованных и неквантованных именных предикатов показаны в (39)-(40):

- (39) Примеры квантованных именных выражений в английском языке:
an apple, the apple, three apples, the apples

- (40) Примеры неквантованных именных выражений в английском языке:
apples, soup

Подчеркнем, что кумулятивность и квантованность — это свойства не отдельных сущностей, индивидов, а свойства языковых описаний этих индивидов, или предикатов. Один и тот же объект можно описать по-разному. Например, один и тот же индивид может входить в означаемое существительного *горошина* и существительного *горох*. В первом случае перед нами квантованный предикат (часть горошины не является горошиной), а во втором нет (собственную часть того, что описывается как *горох*, также можно описать как *горох*).

⁷ Из определений кумулятивности и квантованности следует, что если предикат является квантованным, то он не является кумулятивным, а если является кумулятивным, то не является квантованным. Чаще всего некумулятивные предикаты естественного языка квантованы, и наоборот, неквантованные предикаты кумулятивны. *Яблоки* — это кумулятивный и неквантованный предикат, а *яблоко* — квантованный и некумулятивный. Возможны, однако, предикаты, которые не являются ни кумулятивными, ни квантованными. Например, выражение *немного яблок*, если рассматривать его как предикат, не является квантованным: если пять яблок входят в означаемое этого предиката, то входят и четыре, и три яблока. При этом он не является и кумулятивным: если, например, x — это четыре яблока, а y — это пять яблок, то, вероятно, x и y по отдельности входят в означаемое *немного яблок*, а их сумма — нет.

Соответственно о кумулятивность и квантованности именных групп, в частности, тех, которые приводятся в (39)-(40), можно говорить в той степени, в какой их означаемое можно осмыслить как предикат.

Как и именные предикаты типа *вода*, *яблоки* или *яблоко*, глагольные предикаты можно охарактеризовать в терминах кумулятивности и квантованности. Возьмем, например, предикат, обозначающий события, в которых Вася гуляет. Этот предикат является кумулятивным и некумюлятивным. Если некоторое событие *e*, продолжавшееся с 8.30 до 9.00, можно описать с помощью *гулять*, и это же верно в отношении другого события *e'*, длившегося с 9.00 до 10.00, то сумма двух событий $e \oplus e'$, которая занимает временной интервал с 8.30 до 10.00, — это тоже событие, для описания которого подходит предикат *гулять*. Точно так же любая часть события *e*, например, та, которая имела место с 8.40 до 8.45, также описывается предикатом *гулять*.

Напротив, если экстенционал предиката состоит из событий, в которых съедено яблоко, то этот предикат является квантованным и некумулятивным. Суммарное событие, составленное из двух событий, каждое из которых описывается как *Вася съел яблоко*, нельзя обозначить как *Вася съел яблоко*. И если мы возьмем собственную часть события *Вася съел яблоко*, это не будет событием *Вася съел яблоко*, поскольку в ходе этой части события неизбежно съедено не все яблоко, а только его часть.

Эти рассуждения наводят на мысль, что квантованность и кумулятивность связаны с предельностью/непредельностью. И это действительно так. Krifka 1992, в частности, утверждает, что в сфере событийных предикатов квантованность равнозначна предельности, а кумулятивность — непредельности⁸. Для случаев, которые обсуждаются в этой работе, это верно, хотя в общем случае нет — хотя бы потому, что предикат в принципе может быть некумюлятивным и некумюлятивным, но при этом обязан быть либо предельным, либо непредельным.

В этом месте мы можем сделать простое обобщение: глагольные (событийные) предикаты вида [eat NP] являются предельными (квантованными) тогда и только тогда, когда именная группа содержит в своем означаемом квантованный именной предикат. Квантованность аргумента — это то общее, что есть у всех предельных предикатов вида *eat an apple*, *eat the apples*, *eat two apples*, *eat the apples* и т.д.

Заметим, наконец, что квантованность и кумулятивность — понятия содержательно отличные от определенности / неопределенности. Верно, что если именная группа является определенной (*the apple*, *the apples*, *the three apples*), то, если рассматривать ее как предикат, она квантована. Неверно, однако, обратное: среди квантованных именных групп есть и неопределенные. Например, *an apple*, выступая в качестве предиката, квантована в силу того, что 'яблоко' — это исчисляемое существительное в единственном числе: часть яблока не является яблоком. Именно поэтому сформулировать теорию акциональной композиции в терминах определенности невозможно.

Еще одно важнейшее понятие мереологической теории — **инкрементальность**. Прежде всего обратим внимание, что в английском языке существуют глаголы, у которых свойства аргументов не влияют на предельность. Один из таких глаголов, *push* 'толкать', представлен в (41):

- (41) a. John pushed a cart for an hour || *in an hour.
Джон толкал тележку час || *за час.
- b. John pushed carts for an hour || *in an hour.

⁸ В более поздних работах М.Крифка придерживается несколько иного понимания предельности. В Krifka 1998 она определяется следующим образом: предикат Р является предельным тогда и только тогда, когда если часть *e'* события *e*, являющегося элементом экстенционала Р, также является элементом экстенционала Р, *e'* является одновременно начальной и конечной частью *e*. Разница между предельностью в этом последнем понимании и квантованностью, однако, не существенна для нашего обсуждения.

Прямое дополнение в (41a) отличается от прямого дополнения в (41b) так же, как прямое дополнение в (36a) от прямого дополнения в (36c). Тем не менее, в (41) оба предложения неопредельны и, соответственно, сочетаются только с обстоятельством длительности *for an hour* ‘час’, но не с обстоятельством *in an hour* ‘за час’.

Семантическое различие между глаголами типа ‘есть’ и типа ‘толкать’ является ключевым для понимания того, при каких условиях характеристики аргументов воздействуют на неопредельность. В случае ‘есть’ отношение между описываемой ситуацией и ее участником является **инкрементальным**, а в случае ‘толкать’ — нет.

Инкрементальность — это свойство (точнее, набор свойств), которыми обладает **отношение между ситуацией и ее участником**. Инкрементальность имеет место тогда, когда части события находятся в одно-однозначном соответствии с частями участника. Каждой части события должна соответствовать единственная часть участника (то есть отношение должно обладать свойством **отображения в подобъекты**), и наоборот, каждой части участника — единственная часть события (то есть должно иметь место **отображение в подсобытия**). Предикат ‘есть яблоко’ описывает инкрементальное отношение между яблоками и ситуациями их поедания: развитие ситуации ‘есть яблоко’ в точности соответствуют частям яблока, которые поглощаются.

Благодаря инкрементальности, референциальные свойства пациенса отображаются в свойства глагольного предиката, компонентом которого он является (см. Krifka 1989, 1992, где приводится подробное объяснение того, как это происходит; суть объяснения состоит в том, что инкрементальное отношение представляет собой гомоморфизм из мереологической структуры индивида в мереологическую структуру события). Поскольку в (36a) именной предикат ‘яблоко’ квантован (никакая собственная часть яблока не является яблоком), квантованным является и глагольный предикат ‘есть яблоко’ (никакая собственная часть ситуации, в которой поеданием охвачено все яблоко, не является ситуацией, в которой поеданием охвачено все яблоко). Таким образом, в момент, когда яблоко исчерпывается поеданием, ситуация достигает кульминации.

Напротив, именной предикат ‘яблоки’ в (36c) обладает свойством кумулятивности (если *x* является яблоками и *y* является яблоками, то соединив *x* и *y*, мы также получим яблоки), и это свойство перенимает и предикат ‘есть яблоки’, который оказывается кумулятивным, то есть неопредельным. Это же верно для кумулятивной инкрементальной темы ‘яблоки’. Более эксплицитно это показано в Krifka 1989, 1992, 1998, см. также Татевосов, в печати.

Если отношение между индивидом и событием, в котором он участвует, не является инкрементальным, свойства аргумента не влияют на неопредельность глагольных предикатов. В (41) отношение между событием и аргументом неинкрементально (неверно, что чем больше мы толкаем тележку, тем большая часть тележки в этом участвует), и предикаты типа *push the cart* ‘толкать тележку’, как и предикаты типа *push carts* ‘толкать тележки’, неопредельны независимо от свойств аргумента.

Аргумент предиката, который находится в инкрементальном отношении с событием, называется градуальным (Krifka 1992), или инкрементальным (Dowty 1991). Если этот аргумент — пациенс/тема, то мы имеем дело с **градуальным пациенсом**, или **инкрементальной (прирастающей) темой**⁹. Под понятие инкрементальной темы подпадает целый ряд семантически довольно разнородных актантаов (см. Dowty 1991: 568-571). В частности, это создаваемые и уничтожаемые объекты (‘построить дом’, ‘снести

⁹ Тема — распространенный, но не единственный тип аргумента, который может находиться в инкрементальном отношении к ситуации. Кроме нее, существуют еще два типа инкрементальных отношений — инкрементальный путь и инкрементальное параметрическое свойство. Для сюжета этого исследования эти типы инкрементальности не релевантны, см. варианты анализа в Dowty 1979; Tenny 1994; Nay et al. 1999; Krifka 1998; Filip 1999: 104—108; Kennedy, Levin 2002, 2008; Piñon 2008, Kennedy 2010.

дом', 'написать письмо'), потребляемые объекты ('съесть яблоко', 'выпить воду'), объекты, подвергающиеся контактному воздействию ('покрасить стену', 'подмести пол'), объекты представления и изображения ('прочитать книгу', 'спеть песню', 'сыграть сонату') (см. также обсуждение в Падучева 2004).